

Куранты. — 1994. — 26 окт. — с. 4.

СОЛЖЕНИЦЫН В ГОСТЯХ У ДУМЦЕВ,

или Второе явление
серебрянборского
отшельника

История, дама капризная, распорядилась таким прихотливым образом, что явление в Госдуму прямиком с дачи в Серебряном бору Александра Исаевича Солженицына должно состояться за несколько дней до заслушивания с той же трибуны Павла Грачева. Таким образом, перед жилищно-неудовлетворенным парламентом России предстанут два любимца пишущей братии, которые вольно или невольно олицетворяют две наши общественно-государственные тенденции: падение авторитета власти, при которой выходящий начальник отличается от нижестоящего лишь более широким полем для поиска дежурных козлов отпущения, и сохранение влияния неформальными лидерами, властителями дум.

Впрочем, явление Солженицына в Госдуму сродни недавнему визиту в Россию королевы английской. Второго послания парламенту, во всяком случае при нынешнем составе, он уже не зачитает. Само же явление, встреча Александра Исаевича с избранными народом, гораздо важнее никому пока не известного и не озвученного текста. Ведь на трибуну поднимется не писатель Солженицын, не просто жертва тоталитарного режима и даже не пророк (их в Отечестве по-прежнему нет). В уютном зале окажется сложнейший символ, олицетворение общественных иллюзий, мечтаний и заблуждений. И тут просто не обойтись без ненавидимого писателем иностранного словечка "имидж".

Действительно, Солженицын, признаемся себе, не Ганди и не Лев Толстой. Его слово-то горами не двигает. Большинство опрошенных, даже из числа уважающих патриарха, так толком его произведений не прочли.

Многие в родной Солженицыне провинции, которую он с шиком противопоставляет космополитичной Москве, вообще его книг в руках не держали. Для них Солженицын прежде всего страдалец, от властей претерпевший.

Не стоит, однако, чересчур примитивно мыслить категориями автора статьи, опубликованной недавно за подписью В.В.Ж. Из того складного текста следует лишь один неприятный вывод: писатель — непреднамеренная креатура Юрия Андропова: не гнали бы его, не выслали бы, сидел бы ныне Солженицын в тоске в ресторане Дома литераторов да жаловался на невозможность издаться при демократах солидным тиражом.

Но, признаемся себе, сколько фигур, заблестевших под лубянским прожектором, в новых условиях напоминают золотых рыбок, вытащенных из аквариумов. Солженицын оставался самим собою и в любой обстановке. Не знаю уж, интуитивно ли, по здравому ли размыш-

лению, но Солженицын сразу напрочь отверг политическую попу. Ведь сказано: "Мудрейшие всегда незаметны!" Солженицын не смешивается с толпой, с властью, с коллегами, с журналистами. Его телевизионные послания сравнимы лишь, пожалуй, с предвыборным соло все того же Жириновского. Один завершал свое очередное выступление вестью о том, что, мол, в следующий раз он обратится к молодежи или военнослужащим, другой каждый раз обнадеживает зрителей тем, что на следующей неделе поговорит об образовании или состоянии всеобщей нравственности. Телевизионные монологи писателя, по форме напоминающие свободные проповеди, отражают еще одну черту его имиджа. Солженицын со времени "пересечения вермонтской пустыни" не имеет привычки ни с кем вступать в диалог. Он органически не способен никого слушать. Он не спорит даже, не дискутирует, он отверзает уста для сообщения только ему изве-

стной истины, явившейся ему как откровение свыше. Надо сказать, что в Вермонте такой стиль общения был куда более естественным. Тогда одиночки-гонимые, допущенные в закрытое для посторонних имение, стремились к нему за мудростью, проросшей на воле, стремились, как к старцу, пророку.

В России такая игра в одни ворота вызывает скорее недоумение. А ссылки писателя на то, что за время путешествия в вагоне Би-би-си он уже вдоволь наслушался гласа народного, выглядят наивной хитростью. Впрочем, выступление Солженицына с парламентской трибуны, его по-

слание нации неплохо вписываются в такую манеру общения с русским народом. Ведь парламентский спич, ясное дело, будет полностью телевидизирован, а потому его можно считать очередным телеобращением на тему "Избраники народа. Как их обустроить в России".

С самим русским народом у Солженицына отношения в стиле доброго барина с мужиками, которые ему усадьбу сожгли. Пока писатель славил закабаленное властями и налогами трудолюбие народа, строители, соорудившие его "крепость" в Троице-Лыкове, привели дом в негодность для жилья и размышлений над судьбами России. Пожалуй, мы первыми сообщили, что у Солженицына в Троице-Лыкове поехала крыша, в смысле: возникла необходимость полностью перекладывать кровлю. А теперь ясно, что весь дом надо серьезно перестраивать — слишком много халтуры и недостатков. Это просто лишний штрих к трагедии русской сермяжности. Но нас сейчас скорее интере-

сует реакция на Солженицына не народа в целом, который, за исключением ненавистников из числа фанатиков-коммунистов, относится к нему в основном с благожелательным нейтралитетом, а политиков и парламентариев.

Полагаю, что думцы догадываются: свой спич Солженицын начнет с какого-нибудь классического оборота типа "Со всех сторон раздастся стон...", а потому их штабы лишней раз моделируют чисто партийное отношение к живому классику.

Пикантность ситуации придает как раз то обстоятельство, что "Солженицын никому не принадлежит" — в том смысле, что особенно ни одной политической партии и группировке он просто не нужен. Ясно, что никому не удастся поднять его заместо знамени по той простой причине, что Солженицын, как мы уже отмечали выше, просто не способен на кооперативность, на диалог, на координацию позиций. А быть на каждой свадьбе невестой, так претендентов на столь выигрывающую амплуа в каждой фракции хватает. Просто никаких свадеб не напасть!

Поэтому-то в данном варианте позиции партий совпадут с общенародной позицией: благожелательный нейтралитет с заметной дозой воздания должного за прежние заслуги. Тем более что с трибуны писатель будет классической иллюстрацией фразы "Аз всем воздам" — и демократам за настоящее, и коммунистам с союзниками за прошлое. По аграриям косвенно пройдет за колхозы, по "женщинам" — за излишнюю эмансипированность. Так что делить действительно будет нечего. Окромя оплеух. Но пророкам простительно. Жечь глаголом — так на тысячи ватт.

Ну а дальше, видимо, небольшой вечер ответов на общие вопросы, благодарность за боль за Отечество и не исключено, что фотографии с писателем на память — коллективные и индивидуальные. Такая фотография в отличие от слов, что, словно воробы, разлетаются, вполне подшивается к "делу". Авось пригодится.

К понедельнику шум утихнет и все войдет в привычную колею...

Михаил ШИПАНОВ.
Фото ИТАР-ТАСС.

■ Так внимали Солженицыну. Как его встретят в Государственной думе?